

Л.Чарская. Солнце встанет! -- СПб.: А.А. Каспари, 1907. -- 160с.: -- (Собрание русских романов журнала "Родина")

Карті, 2009 г

Исправлено в соответствии с современной орфографией.

Солнце встанет!

Роман

Настоящий роман, представляет собою вполне самостоятельное произведение, является в то же время продолжением романа "К солнцу!".

I

Трясаясь и подпрыгивая, тарантас катился по пыльной дороге. Возница безнадежно унылым голосом ободрял лошадей, лениво тащившихся, благодаря нестерпимо душливому июльскому полдню. Сидевший в тарантасе плотный и широкоплечий человек с лицом, наполовину скрытым огромной соломенной шляпой, с нетерпением поглядывал по сторонам.

-- Скоро ли доедем, братец? -- срывалось с его губ полный томительного нетерпения возглас.

Возница только плечами поводит вместо ответа да взмахивал кнутом больше для острстки, и снова принимался понукать лошадок тем уныло-скорбным тоном, который присущ русскому мужику. Проехав версты две с небольшим таким образом, он вдруг самым неожиданным образом повернулся на козлах и проговорил:

-- А у Строгановых на фабрике, слышь ты, беспокойно... Ноне наши красовские сказывали, што спичешники рядились управителя побить... И слышь ты управитель-то в Питер посылал к хозяину. Хозяин сынка своего рядил прислать.

-- Когда ж он приедет? -- заинтересовался седок.

-- А кто его знает! Не ноне -- завтра, красовские говорят, будет сюды. Только, слышь ты, зря приедет-то. Уж больно руки у робят чешутся на управителя-то. Живодер он, вот што... Собака он, как есть, нехристь... собака, -- неожиданно ожесточился ямщик и даже сплюнул в сторону.

-- А ваших красовских на спичечном работает много? -- снова поинтересовался седок.

-- Много наших... Хлебушко всем жевать, слышь ты, надоть. И наши есть, и колотовские, что подле Нескучного, с низины, и рябовские тож...

-- Как? Как ты сказал?.. Нескучное? -- вдруг разом встрепенулся седок и даже в волнении сдвинул шляпу на затылок.

Теперь его можно было разглядеть вполне. На плечах этого настоящего по виду русского богатыря покоилась крупная голова с необычайно добродушным круглым румяным лицом, заканчивающимся курчавой бородкой, с целой копной густых русых кудрей и с таким детски-прекрасным светлым взглядом голубых глаз, которым могут только обладать цельные, чистые, недюжинные натуры.

Теперь эти глаза с пытливой тревогой подняли на лицо возницы.

-- Нескучное, говоришь ты? Нескучное? -- ронял он каким-то странным, дрожащим голосом. -- Что же это Нескучное? Имение чье-нибудь?

-- Хутор... енерала одного помершего... хутор. Богатый был енерал... важнющий. Только давно помер... А сама-то за другого, слышь ты, вышла. Тому годов с пяток будет. Раньше-то живала на хуторе сама-то, по вдовству своему, значит, после енераловой смерти-то, а апосля долгое время тамotka и людей не видать было, а ноне...

-- Живет там кто-нибудь? -- вырвалось каким-то новым нетерпеливым звуком из груди приезжего, и, если бы возница был чуточку посмышленнее, он почувал бы, что волнение охватило его седока.

Но возница не обладал тонким чутьем и не к чему ему было заниматься настроением приезжего. С тем же унылым видом он прикрикнул на пристяжную, дернул возжею и уже, совсем обернувшись лицом к седоку, проговорил:

-- Ноне там-то, в Нескучном, то есть, енеральская дочка, барышня, с теткой ейной живут... Уж, почитай, два года... Хорошая барышня... Ее и красовские, и колотовские, и рябовские все знают. Золото, а не барышня. Лучше фелшара али даже дохтура тебе всякого от разной, слышь ты, болезни вылечит... И ребят тоже, слышь ты, учит, и в больнице она, и на фабрике, и где тебе хошь... повсюду. И целый-то день